

Феномен субъекта труда на промышленных предприятиях Сибири: анализ в постструктуралистской социологической перспективе и построение типологии

В.Ю. КОМБАРОВ*

*Комбаров Вячеслав Юрьевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Адрес: 630090, Новосибирск, Академгородок, проспект академика Лаврентьева, д. 17. E-mail: vkombarov@gmail.com

Цитирование: Kombarov V. (2015) The Agency of Workers at Industrial Enterprises in Siberia: A Post-Structuralist Analysis and the Construction of a Typology. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 88–107 (in Russian)

В статье рассматривается проблема субъектности человека труда в связи с типом социальных структур предприятий (организаций). Автор полагает, что в современных древовидных, вертикально-иерархических структурах присутствует гипосубъектность работников, имеет место и явление «смерти» субъекта. Альтернативой выступает ризомная структура, позволяющая «воскресить» субъект – продуктивного труженика, уменьшить его жесткую фиксацию в системе и придать его социальному действию нелинейный, процессуальный характер. Рассмотрение проблемы субъекта осуществляется с применением различных подходов и научных традиций: рационализма декартовского типа, радикального постмодернизма, деконструктивизма и позднего постмодернизма (постструктурализма). Прослеживая эволюцию трактовок понятий «субъектность» и «субъект», автор приходит к выводу, что полноправного социального агента, актора, двигателя исторических и общественных процессов, преждевременно списывать со счетов и что ему по-прежнему может принадлежать главная трансформирующая роль в контексте динамики современных социальных процессов.

В данном исследовании эмпирическим объектом и референтом такого активного, действующего, самореферентного социального агента, способного противостоять властным дискурсам, давлению капитала и господствующим социальным этическим машинам, являются инженерно-технические работники современных российских промышленных предприятий. Актуальность в изучении данной социальной страты работников обусловлена, по мнению автора, необходимостью активизации наиболее креативной группы тружеников отечественной промышленности как основного социального капитала производящей экономики, воссоздание и укрепление которой видится сегодня чрезвычайно важной.

На данных социологического обследования, проведенного на четырех сибирских предприятиях ОПК, осуществлена попытка построения типологии инженеров, отличающихся по типу, уровню и траекториям субъектности, которую можно представить в виде некоего континуума – транссубъектности – от полного отсутствия субъекта труда до ярко выраженного его присутствия. Первый кластер объединил инженеров, которые условно названы «спорадическими бунтарями», второй группировал «конформистов», и третий – «этических бунтарей».

Ключевые слова: субъект труда, ризома, кластерный анализ, инженеры, социальная структура, промышленные предприятия, эмпирическое исследование, постструктурализм, производящая экономика

Введение

Если ранние работы постструктуралистов (постмодернистов) изобиловали утверждениями и настроениями относительно «смерти» субъекта, его «задавленности» доминирующими дискурсами власти, труда, капитала и т.д., то более поздние труды демонстрируют некоторую ревизию понятий «субъект» и «субъектность», показывают возможности реанимации действующего социального агента как полноценного носителя власти, проводника своей воли, как производителя реализации намерений и желаний. Такое «воскрешение» становится, во-первых, возможным благодаря развитию представлений о новых свойствах той социальной обстановки (окружения, условий), в границах которой происходит конструирование субъекта, инвестирование в новые формы субъективности. Во-вторых, надежды на реанимирование человеческой субъектности крепнут благодаря новым идеям о самой «микрофизической» природе возможного нового субъекта. В позднем постмодернизме он мыслится не как статический социальный конструкт, то есть как раз и навсегда кристаллизованное производное социальных практик, не как узор, выгравированный наложением социальной кальки на сознание, на мышление и деятельность индивида, не как манекен, проговаривающий некий дискурс, а скорее как процесс создания гетерогенной и разнообразной социальной деятельности. Картографирование динамического социального пространства сменяет прежние наложение на него калек и, как следствие, отвергает воспроизводство стандартизированных социальных типов, практик, структур и институтов: субъект прокладывает путь и затем создает социальную карту пути, он не использует шаблоны. Иными словами, можно сказать, что субъект – это событие, становление, процессуальность.

Mort du sujet?

Имеются ли основания для того, чтобы согласиться с апологетами постмодернистской концепции субъекта в том, что существование субъекта и в самом деле выглядит весьма проблематичным, а зачастую и вовсе невозможным? В самом начале фильма Пазолини «Теорема» мы видим скопление рабочих, которым бывший собственник-буржуа только что отдал свою фабрику, и группу журналистов,

атакующих работников вопросами о том, что они сами обо всем об этом думают. Оказывается, что последним в общем-то нечего сказать по этому поводу: субъект – нем. В то же время сам буржуа, бывший директор завода, осознав чудовищную внутреннюю пустоту, публично обнажается на центральном вокзале и уходит в пустыню, где из его горла вырывается леденящий душу крик отчаяния.

Удивительно, но само понятие «субъект» имеет совсем недолгую историю (исключение составляют тексты Аристотеля), восходящую к Новому Времени и Рене Декарту, провозгласившего знаменитое *Cogito ergo sum*. Способность к познанию окружающей действительности, наличие воли, направленной на объективный мир, сомнение, скептицизм, желание изменять реальность в соответствии со своими представлениями делают индивида субъектом в картезианском смысле слова [Декарт 1950]. Тезис постмодернистов заключается в том, что в условиях современного общества существование такого субъекта является не более чем очередным самонадеянным буржуазным мифом о всесильной способности к познанию и бесконечном общественном и технологическом прогрессе.

Во-первых, научное сознание модернизма демонстрировало большую долю скепсиса относительно возможности сохранения автономии социального индивида как существа мыслящего, критически подходящего к разного рода социальным ситуациям, имеющего собственную позицию, волю и стратегию поведения. Достаточно вспомнить работы, посвященные таким социальным проблемам, как омассовление индивидуальных сознаний, а также усиливающаяся рационализация и бюрократизация общества, создание «железной клетки» жизни [Вебер 1990; Лебон 2008; Ортега-И-Гассет 1991]. Всеобщая обезличенность, снижение рефлексивности, унификация интеллектуальной и творческой активности выступали на рубеже XX в. и выступают в наши дни критериями исчезновения такого явления, как личность, и появления социального типа статиста, функционера, выступающего без особых сопротивлений проводником чужой воли и власти.

Затем была активная деятельность Франкфуртской социологической школы, углубившей понимание механизмов формирования массового общества, сведения личности, индивида к одномерной структуре потребностей, мотиваций и т.д. [Маркузе 2001; Хоркхаймер 1997]. Сама идея просвещения, как активной и целенаправленной деятельности человеческого сознания и мышления, подвергается критике как процесс, созданный человеческой цивилизацией, но, однако, направившей его самой себе во вред. Культурные механизмы унификации и развитие технологий, вставших на службу этой «культуриндустрии», сделали свое дело в процессе адаптации масс к экономическим условиям того времени, какими бы антиличностными и антигуманными они не были. Индустриальный капитализм окончательно узурпировал экзистенциальные пространства людей и захватил их бессознательное.

Поэтому неудивительно, что концепция субъекта и вовсе начинает трещать по швам, когда на социологической авансцене начинают звучать голоса постмодернистов, предвещающие неминуемую гибель независимого, самореферентного индивида, погребенного под тяжестью общества спектакля и потребления [Бодрийяр 2006; Дебор 1998]. Развитие представлений об обществе как о семантической системе, функционирующей по законам лингвистики и языка, породило версии субъекта, детерминированного различными дискурсами власти, капитала, литературы, СМИ, политики и т.д. [Барт 1994; Фуко 1996]. В конце концов, радикальная иррациональность нашей эпохи, низвержение единственно достоверных картин мира

и ценностных ориентиров опрокидывает «субъекта» с постамента смысла в тотальное бессмыслие и фрагментарность. «Возможность моего “я” – в конечном счете безумная недостоверность», – писал Ж. Батай [Смерть субъекта 2001, с. 951].

Впрочем, в последней четверти XX в. феномены субъекта и субъектности подвергаются пересмотру самими постструктуралистами, наиболее активно в этой деконструкции приняли участие Фуко, Гваттари и Кристева. В нашем исследовании мы во многом опираемся на глубоко социальную и социологическую природу субъектности, которая представлена в работе «Герменевтика субъекта»: в ней показано, что на самом деле данная проблематика имеет давнюю историю, берет свое начало в античной философии, проходит даже через раннее христианство и завязана вокруг взаимодействия субъекта и истины: познание оной возможно лишь в процессе усиленной работой над собой, благодаря заботе и попечительству о себе самом. Истина не дается субъекту просто так, необходимо, чтобы субъект менялся, преобразовывался, «становился отличным от себя самого» [Фуко 2007, с. 28]. Социальная функция этой «культуры себя» – формирование гармонически развитого этического индивида, приносящего пользу другим. Причем экономическая и политическая сфера его деятельности занимают далеко не последнее место.

Для Фуко, когда он говорит о субъекте, наиболее существенным является процесс субъективации, деятельность осуществляемая индивидом по отношению к самому себе. Субъект как результат этой деятельности формируется в техниках заботы о себе, способности индивидуального сознания воспринимать самое себя как объект. Существенное значение в этом процессе имеют практики освобождения субъекта от различных форм власти в борьбе за личностную свободу. Вне практики, вне деятельности субъекта не существует. Поэтому важно выделить конкретные практики и техники субъективации, которыми являются забота о собственном теле, повышение уровня своего образования, профессионального мастерства, культурного уровня в целом: в конструировании субъективности принимают участие социальные институты, которые уже другой постструктуралист Гваттари рассматривает как социальные машины производства субъективности: «Субъективность не есть нечто автономное, обосновывающее существование тех или иных индивидуальных и социальных планов, напротив, она существует только как ассоциация “человеческих групп, социально-экономических машин, информационных машин”» [Дьяков 2006, с. 134]. В нашем исследовании такими машинами производства социального субъекта для нас являются труд, СМИ, литература, общественная мораль: при построении типологии субъектов мы обращались к мнению респондентов о литературе, об идеалах и ценностях, особенностях трудовой деятельности. Стоит отметить, что, в отличие от большинства леворадикальных интеллектуалов, Гваттари не отвергает полностью капитализм, а оставляет за ним положительные функции, способствующие конструированию субъективности: «Капиталистическая этика менее требовательна к индивидам и общественным группам и менее способна основывать свои требования на “возвышенных” принципах, а потому дает возможность для более свободной субъективации, нежели это было в средневековой христианской традиции» [Дьяков 2006, с. 141]. Однако местами он все же делает поправку на то, что капитализму свойственно также стремление и к подавлению, отуплению, унификации индивидов: здесь мы подходим к проблеме устойчивости субъекта к внешнему давлению и сопротивлению: в этой области выделяется Юлия Кристева, точка зрения которой на субъект сводится к тому, что существование последнего возможно через бунт [Смерть субъекта 2001]. Мы приняли ее как значимую в контексте изучения

субъекта труда и отразили в построении типологии инженеров обследуемых нами предприятий: применительно к контексту трудовой (экономической) деятельности можно говорить о двух стратегиях бунта – забастовке и сопротивлении посредством речи, дискурса, языка.

Нельзя обойти стороной тот факт, что позиция позднего постмодернизма формировалась под влиянием работ и знаменитых русских мыслителей. Например, неоднократно отмечалась та роль, которую оказали исследования Михаила Бахтина о природе полифонической личности (на примере творчества Ф.М. Достоевского) на западную социально-философскую мысль о субъекте: «множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [Бахтин 1994, с. 14].

В целом, по нашим личным впечатлениям, поздняя постструктуралистская концепция субъекта близка по своим идеям понятию личности у Николая Бердяева, который, кстати, отмечал, что западная философия заменила личность на субъект и неверно рассматривает субъект в качестве единицы, противостоящей объекту [Бердяев 1995].

От древовидных структур к ризоме и нелинейному социальному действию

Обычно принято считать, что активность, субъектность индивида, его производительные силы должны быть активированы в контексте каких-либо социально-экономических или политических задач. Например, к продуктивности обращаются, когда речь идет о том, чтобы запустить новый экономический проект (например, технопарк): призывы к развитию инновационной экономики обычно сводятся к утверждению о том, что структурные условия для научно-технического прорыва созданы, материальная база готова, бюрократические механизмы налажены, финансирование обеспечено. Но на практике оказывается, что в ситуации полной «насыщенности» среды субъект как продуктивная личность не подает признаков жизни. Делез и Гваттари полагали, что продуктивность как активное начало в субъекте существует изначально, но в большинстве случаев подвергается внешним ограничениям со стороны политики, власти, капитала [Deleuze, Guattari 2010]. Поэтому нельзя исключать, что действия, направляемые на активизацию субъекта, на самом деле приводят к абсолютно противоположному результату. Все дело в том, что в подобном случае мы снова имеем дело с «мегамашиной», все той же подавляющей древовидностью: как можно стремиться к инновационности, когда сама система экономического производства (знания или вещей) является архаической, закрытой и жесткой? Скорее, речь идет о десубъективации.

Постбюрократичность – основная интенция современных социологических и экономических исследований, проводимых в контексте проблематики типов, видов социальных структур, в границах которых происходит конституирование субъекта труда в современных организациях. С данной точки зрения современные производственные отношения характеризуются не просто как постиндустриальные, но как стремящиеся стать постбюрократическими [Vallas 2001]. Ожидается, что дебюрократизация социальной структуры предприятий будет иметь все большее значение по мере освоения технологических инноваций, так как отличительной

особенностью работы в инновационном секторе станет повышение уровня образования работников и их возрастающее участие, включенность (в противовес отчуждению) в жизнь предприятия на всех уровнях (социальном, экономическом и т.д.). Это обусловлено, в частности, потребностью в непрерывной модернизации предприятий, перманентным процессом роста – тем, что определяется как *job redesign* [Hackman, Oldham 1980]. Предполагается, что потребность в непрерывном изменении социальной и других подструктур предприятия вызвана высокими темпами технического развития и конкуренцией на экономическом рынке, а следовательно, необходимостью адаптироваться к ним.

Очевидно, что жесткие вертикальные социальные структуры власти и управления на предприятии имеют незначительный шанс к непрерывным изменениям и «тюнингу» в условиях постоянных флуктуаций экономического поля. Отчуждение в таких условиях классически понимается как результат структурных условий организации, ее бюрократического устройства и функционирования и операционализируется через категории состояния бессилия, беспомощности труженика, ощущения им бессмысленности выполняемых действий, а также самоотчуждения работника [Appelbaum, Bonacich 1997; Mottaz 1981; Seeman 1959]. Принципиальными характеристиками социальной архитектоники предприятий, которые способствуют проявлению отчуждения и купированию субъектности, являются такие формы социальной структуры, как централизованность и формализованность. Они отчуждают труженика от возможности самостоятельно изменять параметры трудовой деятельности и влиять на ход различных процессов на предприятии, принимать участие в выработке решений и ограничивают мотивационный уровень работников [Morris, Steers 1980].

Субъект труда, или скорее его антипод в данном случае, жестко фиксирован в отведенной ему точке социального пространства взаимодействия на предприятии, а возможности его социального действия линейно детерминированы. Сеть ограничений, опутывающая такого носителя антиподной субъектности, распространяется практически на все сферы, где могла бы проявляться его процессуальность. Работник с гипосубъектностью находится как бы на периферии социальной структуры организации, выступает объектом восприятия и исполнения, доходящих до него по централизованным каналам дискурсов приказов, норм и обязанностей, заработной платы и даже доступных ему прав. Такое положение дел согласуется с представлениями Ж. Бодрийера об импловивности социального, неспособности более субъектов на какой-либо отклик, ответ, эксплозивную отдачу [Бодрийер 2000]. Социальный субъект (будь то масса или индивид) – это черная дыра, в которой исчезает и аннигилируется социальное.

Можно было бы подумать, что французский социолог сгущает краски: ведь процессы элементарного взаимодействия индивидов в обществе, как правило, воспринимаются как социальные, общественные, интерсубъективные. Классическая социология учит нас, что действие индивида является социальным в том случае, когда оно направлено на другого индивида, включает в себя мотив по отношению к другому [Вебер 1990; Дюркгейм 1998]. Однако процесс, который можно было бы назвать красивым словосочетанием «социальная коммуникация», есть, судя по всему, не более чем эхолокация – если массы или индивид еще способны выступать источником передачи социального смысла, то этот смысл не несет в себе никакого социального нарратива, а есть, скорее, эхо, отраженный или воспроизведенный дискурс. Говорящий социальный агент не является самореферентным

субъектом, в процессе повествования он не ссылается на самого себя, не производит собственную социальную логику и социальный смысл.

Вертикально-жестко-центрированную социальную структуру организации можно назвать «деревом» или «корнем» и постбюрократической ризомой в том смысле, который этим понятиям придают Ж. Делез и Ф. Гваттари [*Deleuze, Guattari 2010*]. «Дерево» как тип социальной структуры организации являет собой воплощение централизованного пространства, потоки социальных взаимодействий в которых детерминированы бинарными оппозициями начальник/подчиненный, младший/старший служащий и т.п. Взаимодействие сотрудников в таких организациях ограничено большим количеством различных социальных перегородок, социальных сегментов (страт), которые сужают субъектность и самостоятельность работника, сдерживают его участие в решении производственных задач, очерчивают поле его деятельности. «Организация-дерево» венчается административной «кроной», властно спускающей по «дереву» свои распоряжения. Социальное взаимодействие, профессиональная активность в таких организациях всегда опосредуются промежуточными инстанциями (бухгалтерией, заместителями и т.д.). Не случайно Делез и Гваттари приводят образ бюрократической организации, представленный Ф. Кафкой, как пространства с бесконечным множеством сегментов и перегородок, попадая в которое субъект претерпевает полное «превращение», отчуждение.

Напротив, ризома или «клубень» – это множественность, воплощающая принципы соединения и неоднородности: любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой ее точке. Это коренное отличие от «дерева», «корня», которые, напротив, фиксируют определенную точку и порядок [*Deleuze, Guattari 2010*]. Очевидно, что в такой ризоморфной структуре субъект труда (работник) обладает бесконечно большими коммуникативными (нелинейными) возможностями внутри организации, наделен большими правами в решении профессиональных вопросов, склонен к самоопределению в постановке производственных задач и осуществлении проектов. Иными словами, субъект становится субъектом в полном смысле этого слова: обретает власть, силу (*power*); познает данную ему действительность и преобразует ее в соответствии со своими интенциями и волей; становится способен противостоять власти и доминирующим дискурсам. Это предполагает решение проблемы отчуждения (*powerlessness*), которая как было показано выше, имеет корни в формализованной и централизованной социальной структуре организации. Такой гибкий, ризомный, высокоскоростной тип организации (в которой социальное взаимодействие не санкционируется промежуточными и вышестоящими инстанциями, а протекает непосредственно от одного члена организации к другому), очевидно, может являться прототипом открытой организации, возможности которой к обновлению и гомеостазису (в условиях меняющихся социально-экономических реалий) безграничны.

Принципиальной характеристикой ризомной структуры, организации или предприятия, имеющей ризомный тип, является полицентричность или децентрализованность – каждая позиция, элемент, точка ризомы могут выступать ее центром. Ризомная организация социального пространства не имеет периферии так же, как не имеет сегментов, складывающихся друг в друга по принципу матрешки. Ризома как «клубень» или разветвленное «корневище», в отличие от «корня» или «дерева», имеет свойство «прорастать» в каждой точке своего пространства [*Deleuze, Guattari 2010*].

В контексте данного тезиса мы обнаруживаем вариант решения проблемы субъектности – ризомная структура социального пространства развязывает человеку руки, ставит его в центр производства своего собственного, самореферентного дискурса чего бы то ни было – труда, политики, любви, искусства. «Я есть, я существую», – кричит субъект. Теперь он (субъект) – в центре, не на отшибе социальной жизни, и его хорошо слышно. Преодолев инертность и фиксацию, субъект переходит в состояние движения, непрерывного самосозидания, самопроговаривания. Как точка, ускоряясь в физическом пространстве, даже чисто визуально, превращается в линию, так субъект становится чистой процессуальностью.

Основной характеристикой субъекта, таким образом, является интенсивность, разность скоростей его деятельности. Он становится в своем роде кочевником, олицетворением номадического¹ способа существования. Каждый раз субъект не остается одним и тем же, в некотором роде он – множественность, но в то же самое время он и не раздроблен, каким его себе представляли ранние постмодернисты: так, Ж. Делез пишет, что «индивидуальность должна осознать себя как событие, а осуществляющееся в себе событие – как другую индивидуальность» [Смерть субъекта 2001, с. 952].

В итоге постструктуралистский проект «смерти субъекта» оборачивается против самого себя и извлекает из подобного самоотрицания (в виде позднего постмодернизма) зачатки новой теории субъекта.

К построению типологии субъектов труда и эмпирическая база исследования

Имея такую палитру мнений относительно природы и свойств такого социального явления как субъект, было весьма интересно проанализировать, какое положение он занимает в одной из основных сфер, где происходит его становление – экономической, прежде всего в труде. Обследование, проведенное в 2009–2010 гг. на волне актуализации проблем модернизации отечественной экономики и постановки ее на современные (инновационные) пути развития, охватило такую узкоспециализированную часть промышленных тружеников, как инженеры отечественного ОПК². Инженерно-технические работники как эмпирический объект исследования были выбраны нами целенаправленно. Мы полагаем, что сознание данной группы сотрудников современных российских промышленных предприятий является отражением тех социальных, экономических, культурных и иных процессов, которые протекают в современной России, в российской промышленности в частности. Более того, мы полагаем, что ИТР, как группа высококвалифицированных специалистов, умеющих работать с технологиями и информацией, являет собой пример субъекта труда, роль которого увеличивается и, надеемся, продолжит увеличиваться с кристаллизацией в России экономики знаний, ориентируемой на производство, а не только на ресурсодобывание.

¹ От англ. *nomad* – кочевник.

² Более подробно с содержанием данного социологического обследования можно ознакомиться в монографии «Отчуждение как социологический феномен современности» [Комбаров 2013].

Всего в анкетном опросе приняло участие 305 ИТР четырех крупных новосибирских предприятий со средней численностью работников 1 350 чел. На начальном этапе отбора предприятий, при всем российском неблагополучии в сфере производящей экономики, наш специальный интерес был сфокусирован на десяти наиболее успешных и перспективных предприятиях города, названия которых на карте промышленности России являются брендами³. Однако из всего списка данных предприятий согласие на проведение социологического обследования ИТР дали только четыре. Директора остальных ссылались на разного рода формажорные обстоятельства, а их руководители оказывались недостижимыми физически (командировки, сверхзанятость и пр.)⁴.

Не все топ-менеджеры предприятий, согласившиеся на обследование, проявили лояльность к социологической науке, поэтому не автор диктовал условия отбора респондентов из состава ИТР на обследуемых предприятиях, а сами предприятия, руководствуясь производственными интересами, очерчивали и определяли границы допуска к информации и респондентам. Закрытость современных промышленных компаний для сбора информации производственно-экономической направленности, а также проведения социологических опросов – известный социологам факт. К заполнению анкет (всего 305 анкет) привлекались работники конструкторских бюро (порой почти целиком), а также относительно свободные на момент опроса технологи и экономисты. Иными словами, выборка респондентов на предприятии основывалась на принципе, близком по содержанию методу «снежного кома». Данную выборку респондентов можно назвать и доступной неслучайной выборкой. В целом выборка предприятий является гомогенной: заводы, на которых проводилось обследование, в структуре видов промышленного производства относятся к двум группам экономической деятельности: 1) *производство машин и оборудования* (предприятия 2-А и 4-S); 2) *производство транспортных средств и оборудования* (предприятия 1-S и 3-N) (таблица 1).

Таблица 1. **Распределение сотрудников, инженерно-технических работников и респондентов по обследуемым предприятиям, чел.**

Предприятие	Сотрудников всего	Из них ИТР	Опрошено ИТР
1-S	1948	310	120
2-А	1300	190	137
3-N	650	100	25
4-S	1500	210	23
Итого	5398	810	305

³ Избирательность в пользу наиболее успешных предприятий можно представить в виде методического ограничителя, который мы поставили перед собой сознательно, полагая, что наиболее интересно с научной точки зрения исследовать явление «смерти субъекта» не там, где его должно быть «много» по определению (на «деградирующих» предприятиях), а в условиях, где его должно быть «меньше» (на «лучших» предприятиях).

⁴ Названия предприятий не приводятся по соображениям анонимности: так как анкета содержала в себе довольно большое количество острых вопросов, затрагивающих трудовую сферу и проблематику взаимоотношений между работником (ИТР) и работодателем (руководство предприятия), то по просьбе инженеров и в большей степени руководителей предприятий нами было дано обещание оставить фактологию названий заводов в тайне.

Дополнительное сопоставление данных не выявило каких-либо отличительных характеристик, носителями которых выступали бы инженеры в зависимости от того, на каком из четырех предприятий они трудятся. Тип организационной структуры на всех четырех производствах является классическим для больших современных российских промышленных заводов и фабрик – вертикальный, «древовидный», «корневой». В возрастной категории среди наших респондентов преобладают две группы: «от 20 до 29 лет» и «от 50 лет и старше» (таблица 2).

Таблица 2. **Возрастной состав респондентов, %**

Возраст	
20–29 лет	26
30–39 лет	16
40–49 лет	18
50 лет и старше	35

Мужчин и женщин среди опрошенных нами ИТР насчитывалось примерно поровну (таблица 3).

Таблица 3. **Распределение респондентов по полу, %**

Пол	
Мужчины	55
Женщины	45

Судя по всему, вопрос о величине заработной платы оказался болезненным для ИТР, так как 16% респондентов отказались отвечать на этот вопрос. На момент проведения опроса большая половина ИТР имела зарплату от 16 до 25 тыс. руб. (таблица 4).

Таблица 4. **Распределение респондентов по уровню заработной платы, %**

Зарботная плата ИТР	
7–15 тыс. руб.	23
16–25 тыс. руб.	46
26–35 тыс. руб.	12
36–45 тыс. руб.	2
46–71 тыс. руб.	1
Отказ от ответа	16

Далее, применив кластерный анализ данных, нам удалось наметить контуры трех типов респондентов, которые можно соотнести с тремя различными типами субъектности (субъектов) в зависимости от традиции изучения последней. Гипотетическое предположение (эксплицитно присутствующее в данной статье) о том, что структура субъектов труда на промышленных предприятиях неоднородна, нашла свое отражение в представленной далее классификации инженеров. Машинная кластеризация данных проводилась на основании ответов на вопросы, содержащихся в табличной форме и призванных раскрыть наибольшую либо наименьшую приверженность инженеров различным социальным благам, ценностным императивам (таблица 5). Напомним, что фундаментом в построении субъектом самого себя в работах Фуко является именно этическая составляющая.

Таблица 5. В какой мере в Вашей жизни присутствуют сегодня следующие жизненные блага? В каждой строке обведите кружком одну из цифр, придерживаясь следующего принципа: 1 – благо отсутствует, 2 – присутствует слабо, 3 – присутствует в той же мере, в какой отсутствует, 4 – присутствует, 5 – максимально присутствует

Жизненные блага	Оценки				
	1	2	3	4	5
1. Уверенность в завтрашнем дне	1	2	3	4	5
2. Финансовое благополучие, материальный достаток	1	2	3	4	5
3. Хорошие жилищные условия	1	2	3	4	5
4. Душевный комфорт	1	2	3	4	5
5. Служебный рост, продвижение по службе	1	2	3	4	5
6. Возможность работать с полной отдачей	1	2	3	4	5
7. Возможность реализовать себя, свои способности и дарования	1	2	3	4	5
8. Уважение и признание со стороны друзей и коллег	1	2	3	4	5
9. Признание заслуг со стороны руководства предприятием	1	2	3	4	5
10. Хорошее здоровье	1	2	3	4	5
11. Счастливый брак	1	2	3	4	5
12. Семейный комфорт, хорошая семья	1	2	3	4	5
13. Возможность путешествовать по России (или другим странам)	1	2	3	4	5
14. Безопасность существования, отсутствие страха за свою жизнь, жизнь детей	1	2	3	4	5
15. Свободное время для занятий любимым делом (спорт, огородничество, охота, рыбалка, шитье, вязание, музыка и пр.)	1	2	3	4	5
16. Возможность общения с людьми своего круга, с друзьями	1	2	3	4	5
17. Свобода, независимость существования	1	2	3	4	5
18. Полноценное питание	1	2	3	4	5
19. Вера в справедливое устройство мира, в то, что добро победит зло	1	2	3	4	5
20. Вера в себя	1	2	3	4	5
21. Доверие к людям	1	2	3	4	5
22. Вера в будущее России	1	2	3	4	5
23. Возможность быть свободным, то есть открыто выражать свои мысли, чувства, поступать согласно Вашим взглядам	1	2	3	4	5

На первом этапе были выделены 5 факторов методом вращения Варимакс (сжатие табличных данных), которые характеризуют различные типы субъективации респондентов в сфере труда, частной жизни, в сфере удовлетворения материальных и высших потребностей и т.д. (таблица 6).

Таблица 6. Интерпретация факторов

Факторы (траектории, стратегии субъектности)	Факторные нагрузки	Переменные
1. Профессиональное развитие, самореализация	0,804	Возможность реализовать себя, свои способности и дарования
	0,763	Возможность работать с полной отдачей
	0,678	Служебный рост, продвижение по службе
	0,670	Признание заслуг со стороны руководства
	0,619	Уважение и признание со стороны коллег
2. Этический императив	0,757	Вера в справедливое устройство мира, в то, что добро победит зло
	0,737	Вера в будущее России
	0,695	Возможность быть свободным
	0,517	Уверенность в завтрашнем дне
	0,515	Безопасность существования
3. Социализация	0,780	Возможность общения с людьми своего круга, друзьями
	0,698	Свободное время для занятий любимым делом (спорт, огородничество, рыбалка, музыка и т.д.)
	0,545	Свобода, независимость существования
4. Финансовое, материальное благополучие	0,759	Финансовое благополучие
	0,702	Хорошие жилищные условия
	0,635	Возможность путешествовать
	0,632	Полноценное питание
5. Счастливый эрос	0,891	Счастливый брак
	0,855	Семейный комфорт, хорошая семья

На втором этапе на данных факторного анализа была проведена собственно кластеризация данных методом К-средних, в результате чего были получены 3 класса объектов. Далее через построение таблиц сопряженности (между полученными кластерами и другими социальными признаками эмпирического объекта) и анализ z-статистик ($>1,96$) мы приблизились к более детальному описанию типов субъектов по ряду разнообразных характеристик. Основными критериями в выборе количества кластеров (3) были два: количественная наполняемость и недублируемость классов наблюдаемых явлений. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программы SPSS.

Оказалось, что разные типы субъектности и субъекта присутствуют среди инженеров, работающих на российских промышленных предприятиях и отражают

глубинную ориентацию личности: 1) либо на внешний, предметный мир, с которым индивид связывает качество своей жизни и оценивает самого себя с точки зрения того, насколько он владеет материальными ценностями; 2) либо не только на внешний, но и внутренний мир, который индивид осознанно выбирает в качестве колыбели для непрерывного (этического) становления собственной личности через заботу о себе самом. Причем это не эгоистическая ориентация, а настоящее стремление к познанию универсальных нравственных основ человеческого общежития и готовность к личностному росту, которые возможны благодаря техникам работы над собой. Третий тип респондентов демонстрирует качества, свойственные, скорее, антисубъекту (т.е. субъекту в раннем постмодернистском толковании со свойственной ему гипосубъектностью).

Мы придерживаемся мнения о том, что субъект, каким бы автономным он ни был, является все же результатом социального конструирования и инвестирования в него различных социальных смыслов, посредством функционирования того, что Делез и Гваттари называют социальными машинами, а Фуко именует диспозитивом. Последний располагает субъекта в системе воздействия на него смычки власть/знание, а машинное производство социального осуществляется социальными машинами литературы, труда, воспитания, медиа, религии, сексуальности. Анкета, которую мы использовали для проведения социологического обследования инженеров промышленных предприятий, содержала примерно ста вопросов, охватывающих сферы труда, производственных отношений, частной жизни, ценностей, мировоззрения, культурных предпочтений. Мы полагаем, что нам удалось уловить составляющие различных сегментов, из которых состоит сознание респондентов, и наличие относительно устойчивых структур в нем – того, что в него инвестировано (и самоинвестировано). Соответственно, вполне возможно вести речь о тех практиках, в ходе осуществления которых инженеры осуществляют становление самих себя именно как субъектов, то есть выступают активным деятельным центром своего собственного сознания. Работа субъекта над самим собой (управление сознанием у Фуко) – это процесс приближения к «истине» (в соответствии с многовековой социально-философской традицией) или реализация духовности (по Фуко), конечным результатом которой выступает постижение истинных представлений об основах социального бытия и жизнь в соответствии с идеями социальной справедливости. *В целом, то, что принято называть практиками и техниками себя, а также заботой о себе – это форма социальных отношений, которая может быть стратифицирована на три составляющие: диететика (или забота о собственном теле в целом); экономика (ведение домашнего хозяйства или политекономия в целом) и эротика (отношение к другому человеку и проявление чувств к нему).* Концентрация на себе и своих способностях, повышение качества своей природы как свойств субъекта в данном случае являются истинно социальными: развитие себя – это залог позитивных трансформаций в трех вышеприведенных сферах: самосовершенствуясь, субъект совершенствует социум. Не случайно Гваттари заявляет о том, что на смену понятию «экология» должно придти понятие «экософия»: именно в нем наиболее полно отражается единство различных экологий: природной, научной, экономической, общественной, субъективной [Дьяков 2006]. Далее мы приводим описание типов субъектов труда инженерно-технических работников российских промышленных предприятий. Несмотря на то, что всем трем группам инже-

неров свойственно, судя по их ответам, базисное стремление к повышению уровня своего материального положения, своими «надстроечными» характеристиками они отличаются достаточно явно.

Картезианский субъект/Материалист/Спорадический бунтарь

В соответствии с традицией, заложенной Рене Декартом, сущностными характеристиками субъекта являются его четкое отграничение от предметной сферы, объективного мира, который выступает для индивида целью его познавательной, манипулятивной, утилитарной, прикладной деятельности. Материальное для такого субъекта всегда есть смысл его существования, его активность направляется им на овладение предметом. Рациональность, интеллект, эмпирическое чувствование определяют характер взаимодействия такого индивида с окружающим миром. Субъект зависим от объективного мира и не существует отдельно от него, стремится подчинить себе последний и приспособить его под свои нужды и цели. Субъект понимается как предзаданный, единый (монада), целостный.

Данный кластер (36 чел.) объединил в основном мужчин с высшим или двумя высшими образованиями, в массе своей молодых (20–39 лет), занимающих на обследуемых предприятиях исполнительную инженерную должность и получающих среднюю и ниже средней заработную плату. В этой группе инженеров сосредоточено большинство тех, кто принимает участие в протестных акциях и забастовках на предприятии⁵, мотивируя свой бунт низким уровнем материального вознаграждения труда и задержкой заработной платы. Эти респонденты в негативном ключе отмечают расхождение между их профессиональным, образовательным уровнем, способностью к профессиональному росту и теми возможностями, которые предлагает предприятие для развития таковых. Эти «материалисты» работали бы лучше, если бы «лучше платили» и было больше самостоятельности и инициативы. Они полагают, что в жизни стоит учитывать прежде всего свои интересы и добиваться их реализации можно ценой попрания собственных жизненных принципов. В личных отношениях для них первичной ценностью обладают сексуальная гармония между партнерами и возможность свободно осуществлять свои индивидуальные устремления. В число своих трудовых достоинств они относят хорошее образование и умение быстро ориентироваться в любой обстановке. Более того, в данной группе наблюдается концентрация тех, кто относит себя к новаторам и ранним последователям.

⁵ Чтобы узнать о протестных настроениях и практиках ИТР, мы предложили им ответить на следующий вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам в прошлом или текущем году участвовать в акциях протеста на предприятии (митинги, забастовки, голодовки и т.д.)?». Нельзя однозначно сказать, были ли это официально зарегистрированные забастовки, так как более детально мы не углублялись в формальную сторону этой темы. Для нас более важной является фактическая сторона дела – то, что современные инженеры, по их собственному свидетельству, принимают участие в различных протестных практиках на предприятиях, проявляющихся в тех или иных формах. О сложностях в статистическом учете забастовок в России неоднократно писали отечественные коллеги-социологи: фактически большинство реальных конфликтов на производстве не попадают в статистическую отчетность по тем или иным причинам (См., например, Козина И.М. Забастовки в современной России // Социологические исследования, №9, 2009, с. 13-24). В целом, 19% респондентов среди опрошенных нами ИТР свидетельствуют о том, что акции протеста на предприятиях, где они трудятся, проводятся, 9% ИТР принимали в них непосредственное участие, еще у 4% ИТР было желание присоединиться к протестующим.

Отношение к природе у «материалистов» потребительское: они считают, что последнюю нужно покорять. При этом они не особенно заботятся о своем здоровье – регулярно употребляют алкоголь и курят. Считают себя атеистами; воспринимают окружающих их индивидов как людей агрессивных и полагают в массе своей, что «зло в итоге сильнее добра»; вера в справедливость и добро им не свойственна. Вполне очевидно, что литературные вкусы этой группы инженеров ограничены чтением американской и английской литературы, а гастрономические предпочтения – потреблением мяса и калорийных блюд. Активная жизненная позиция этих людей выражается в девизе «Только вперед!».

Постмодернистский субъект/Конформист/Подавленный

Постмодернистская традиция, порвав с картезианским пониманием субъекта, заявляет в основном тезис о его децентрированности, раздробленности и невозможности сведения понимания сущности субъекта к четким и жестким социальным и этическим константам. Индивид в границах этого понимания есть не более чем проводник довлеющих над ним дискурсов власти, знания, информации, капитала: его пассивная сущность не позволяет ему проявлять самостоятельность в выборе целей, жизненных стратегий и ценностей. В принципе, такой индивид является воплощением нормальности: он аморфен, податлив, пластичен. Индивид, в зависимости от контекста, представляет собой, скорее, некий набор субъективностей: в одном случае – он субъект речи, в другом – труда, в третьем – потребления и т.д., то есть вся совокупность его социальных действий не может быть сведена к единому центру, каждый раз субъект не идентичен самому себе. Такому субъекту отказано в автономности, независимости, воле и креативности. В целом данное научное направление постулирует «смерть субъекта».

Этот кластер (71 чел.) объединил женщин и мужчин среднего и старшего возраста (40–60 лет), занимающих руководящую инженерную должность и оценивающих размер своей заработной платы как недостаточно высокий, хотя выполняемые задания вполне соответствуют их профессиональным интересам. Среди респондентов этой группы присутствуют лишь единицы, которые принимали участие в протестах на производстве, а в целом желания бунтовать у них не возникло: они объясняют это тем, что протестовать на предприятии не принято. Свобода и независимость существования для этих инженеров не является насущной жизненной потребностью, а возможность открыто выражать свои взгляды, мысли и чувства совсем не важна. Они, по своей сути, атеисты, но среди них все же присутствует определенное число тех, кто причисляет себя к светским верующим. В данном кластере присутствует наибольшее число респондентов, точка зрения которых относительно преобладания в мире «добрых или злых» людей, а также о доминировании конструктивных или деструктивных тенденций, является неопределенной – велико число тех, кто затруднился с ответом. В целом они не могут похвастаться отсутствием вредных привычек. В семейных отношениях для этой группы респондентов важны дружеские отношения и примечательно, что варианты ответов «любовь и нежность» в семейном союзе имеют с этим кластером отрицательную связь. Широта восприятия окружающего пространства, мира для данного типа респондентов ограничивается страной проживания.

Субъект позднего постмодернизма/Идеалист/Этический бунтарь

Поздний постмодернизм, на наш взгляд, в подходе к проблеме субъекта не порывает с постмодернизмом окончательно и оставляет за ним такие свойства, как вариативность, динамизм, уязвимость, проявляющуюся по отношению к власти, контролю и дисциплине. Однако новым является то, что субъект наделяется способностью к «возрождению», ключевое значение в реализации которого имеет осуществление бунта [Смерть субъекта 2001]. Тактики обороняющегося субъекта – это практики борьбы против всех разновидностей подавления и власти, а также этическое самоконструирование – так называемая забота о себе: о своем теле, здоровье, «душе» [Фуко 2007]. Забота о себе понимается как постоянное изменение себя, самосовершенствование: быть собой – значит становиться тем, кем ты еще не был. Способности к критическому анализу и защите своей автономности от вмешательства внешних структур знания и власти позволяют такому индивиду (становящемуся в таком случае личностью) производить собственные социальные смыслы, независимо определять траекторию своих действий, ссылаться на самого себя, а не только на внешние авторитеты. Это трудный путь, но в таком бесконечном противостоянии только, видимо, и возможно самоосуществление субъекта.

Данный кластер (171 чел.) объединил мужчин и женщин с высшим, а также средне-специальным образованием, занимающих исполнительную инженерную должность. Отличает эту группу преобладание, хотя и в небольшой степени, доли женщин. Активность данного типа респондентов в практиках протеста не такая высокая, как у группы «картезианцев», но заметно выделяется на фоне отсутствия бунтарских настроений у группы «подавленных». В отличие от кластера «материалистов», этих бунтарей толкает на «баррикады» не материальная, а, скорее, этическая сторона дела: среди причин, вынудивших их принимать участие в стачках, они выделяют игнорирование интересов работников руководством предприятия, солидарность с товарищами, желание выразить протест существующим на предприятии порядкам. Причем эту страту инженеров характеризует отрицательная связь с вариантом ответа «боязнь притеснений и угроз» на вопрос о том, какие факторы могут сдерживать их участие в акциях протеста. Для этих бесстрашных «дон кихотов» чрезвычайно важны независимость существования и свобода в выражении своих взглядов и мнений. Так же, как и для их коллег-«картезианцев», высокой ценностью для этого типа субъекта труда обладает возможность самореализации в труде, а негативными сторонами их трудовой сферы выступают недостаточно высокое денежное вознаграждение и не в полной мере присутствующая возможность реализовать профессиональные интересы и способности. К числу своих достоинств они относят трудолюбие, а к качествам, приводящим порою к неудачам, выделяют излишнюю доверчивость, честность и порядочность. Эти респонденты полагают, что претворяя в жизнь собственные планы, стоит учитывать в равной степени не только свои, но и чужие интересы. Они отмечают, что в настоящее время перед ними стоят задачи по продолжению учебы и получения образования, повышения профессиональных качеств (продолжающаяся работа над собой, забота о себе). С бунтарским религиозным мировоззрением Л.Н. Толстого их роднит то, что они смотрят на мир как на место, где доминирует добро, верят в Бога и Абсолют (но к конкретной церкви себя не относят), что позволяет им (по их собственному мнению) сохранять надежду на справедливость и дает силы переносить

невзгоды. Если «картезианцы» оправдывают применение физического насилия в целях защиты жизни, то данный кластер инженеров-идеалистов выступает против насилия, которое нельзя оправдать ничем. Примечательно, что восприятие мира (широта сознания) у данной группы простирается до космических масштабов; в гастрономических пристрастиях преобладает (в большей степени, чем в других кластерах) интерес к вегетарианской диете – овощам; в отличие от кластера «материалистов», среди которых отдающие предпочтение англо-саксонской литературе, «идеалисты» в целом более привержены испанской литературной традиции (после русской); жизненный девиз субъектов труда по версии позднего постмодернизма – «Надежда на лучшее».

Таким образом, приведенные выше виды субъектов (труда) можно представить в виде континуума, пролегающего между двумя крайними полюсами (*транс-субъектность*): от яркого присутствия субъектности среди исследуемых инженеров до практически полного ее отсутствия. Напомним, что субъект не тождественен индивиду, а, скорее, это характеристика человека с присущими ему ярко выраженными личностными свойствами. Поэтому утрируя, позволительно говорить, что количество индивидов среди наших респондентов не равно количеству субъектов.

Такова социальная структура субъектов труда среди инженеров отечественного ОПК. Очевидно, что для более глубокого проникновения в область исследования феномена субъектности (способности выступать субъектом самореферентного и творческого социального действия) и современного субъекта труда (источника свободной активности, автора социального действия) желательны также применение метода глубинного интервьюирования. Надеемся, что это вопрос недалекого будущего: каким же тогда будет субъект в своем постоянном изменении?

Литература

- Барт Р. (1994) Смерть автора. Мифологии. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс.
Бахтин М. (1994) Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next.
Бердяев Н. (1995) Царство духа и царство кесаря. М.: Республика.
Бодрийяр Ж. (2000) В тени молчаливого большинства. Екатеринбург.
Бодрийяр Ж. (2006) Общество потребления. М.: Культурная революция.
Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс.
Дебор Ги-Э. (1998) Общество спектакля. М.: Логос.
Декарт Р. (1950) Избранные произведения. М.
Дьяков А. (2006) Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск.
Дюркгейм Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.
Комбаров В.Ю. (2013) Трансотчуждение как социологический феномен современности. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
Лебон Г. (2008) Психология народов и масс. М.: Терра.
Маркузе Г. (2011) Критическая теория общества. М.: АСТ.
Ортега-и-Гассет Х. (1991) Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство.
Смерть субъекта (2001) // Всемирная энциклопедия философии. М. С. 951–953.

- Фуко М. (1996) Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь.
- Фуко М. (2007) Герменевтика субъекта. СПб.: Наука.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997) Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента.
- Appelbaum R., Bonacich E. (2000) Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. University of California Press.
- Deleuze G., Guattari F. (2010) Mille Piani. Capitalismo e Schizofrenia. Castelvecchi, Roma.
- Hackman J., Oldham G. (1980) Work Redesign. Addison-Wesley.
- Morris J., Steers R. (1980) Structural Influences on Organizational Commitments // Journal of Vocational Behavior, vol. 17, no 1, pp. 50–57.
- Mottaz C. (1981) Some Determinations of Work Alienation // Sociological Quarterly, vol. 22, no 4, pp. 515–529.
- Seeman M. (1959) On the Meaning of Alienation // American Sociological Review, vol. 24, no 6, pp. 784–788.
- Vallas S. (2001) The Transformation of Work. JAI Press.
-
-

The Agency of Workers at Industrial Enterprises in Siberia: A Post-Structuralist Analysis and the Construction of a Typology

V. KOMBAROV*

***Vyacheslav Kombarov** – Candidate of Sciences, Research Fellow, Department of Social Problems, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Science. Address: 17, Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: vkombarov@gmail.com

Citation: Kombarov V. (2015) The Agency of Workers at Industrial Enterprises in Siberia: A Post-Structuralist Analysis and the Construction of a Typology. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 88–107 (in Russian)

Abstract

This article focuses on the link between the agency of workers and organizational social structures. I argue that worker agency in modern enterprises is strongly suppressed by the presence of vertical hierarchical social structures, and that it could potentially be re-enabled through the adoption of alternative rhizome-like structures. The problem of agency is revisited using four approaches: Cartesian-type rationalism, radical postmodernism, de-constructivism and late post-modernism. By tracing the evolution of the concepts of ‘agency’ and ‘agents’ I conclude that they are still highly relevant for modern social dynamics.

The empirical reference in the current research, i.e. agents who are capable of withstanding the dominating power discourse and the pressures of capital, are engineers

and highly skilled technical workers in modern Russian industrial enterprises. The relevance and practical importance of such a focus is dictated by the fact that these workers constitute the core of the labour force in the most productive sectors of the Russian economy. Empirical data were collected at four Siberian enterprises of the military-industrial complex in 2009–2010.

By analysing this data a tentative typology of workers according to different strategies and the levels of agency they exercise in their organizations has been constructed: ‘sporadic rebels’, ‘conformists’ and ‘ethical rebels’.

Keywords: subject of labour, rhizome, cluster analysis, engineers, social structure, industrial plants, empirical survey, post-structuralism, productive economy

References

- Appelbaum R., Bonacich E. (2000) *Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry*, University of California Press.
- Bakhtin M. (1994) *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Art], Kiev: Next.
- Bart R. (1994) *Smert’ avtora. Mifologhii. Izbrannie raboti: Semiotika. Poetika* [The Death of Author. Mythology. Selected Works: Semiotics. Poetic], Moscow: Progress.
- Baudrillard J. (2000) *V teni molchalivogo men shinstva* [In the Shadow of the Silent Majorities], Ekaterinburg.
- Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society], Moscow: Kul’turnaya revolyuzia.
- Berdyaev N. (1995) *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Realm of Spirit and the Realm of Caesar], Moscow: Respublika.
- Debord G. (1998) *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle], Moscow: Logos.
- Dekart R. (1950) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow.
- Deleuze G., Guattari F. (2010) *Mille Piani. Capitalismo e Schizofrenia*, Roma: Castelvecchi.
- Durkheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method], Moscow: Nauka.
- D’yakov A. (2006) *Felix Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub’ektivnosti* [Felix Guattari: Schizoanalysis and Promotion of Agency], Kursk.
- Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu vlasti i seksual’nosti. Raboty rannikh let* [The Will to Truth: Beyond the Knowledge, Power and Sexuality. Early Works], Moscow: Kastal’.
- Foucault M. (2007) *Germenevtika sub’ekta* [The Hermeneutics of the Subject], Saint-Petersburg: Nauka.
- Hackman J., Oldham G. (1980) *Work Redesign*, Addison-Wesley.
- Horkheimer M., Adorno T. (1997) *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment], Moscow, Saint-Petersburg: Medium, Yuventa.
- Kombarov V. (2013) *Transotchuzhdenie kak sotsiologicheskii fenomen sovremennosti* [Transalienation as a Sociological Phenomenon of Our Times], Novosibirsk: IEIE SB RAS.
- Lebon G. (2008) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of People and Masses], Moscow: Terra.
- Markuse G. (2011) *Kriticheskaya teoriya obshchestva* [A Critical Theory of Society], Moscow: AST.
- Morris J., Steers R. (1980) Structural Influences on Organizational Commitments. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 17, no 1, pp. 50–57.
- Mottaz C. (1981) Some Determinations of Work Alienation. *Sociological Quarterly*, vol. 22, no 4, pp. 515–529.
- Ortega y Gasset J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul’turi* [Aesthetics. The Philosophy of Culture], Moscow: Art.

- Seeman M. (1959) On the Meaning of Alienation. *American Sociological Review*, vol. 24, no 6, pp. 784–788.
- Smert' sub'ekta (2001) [Death of the Subject]. *Vsemirnaya enciclopediya filosofii* [Worldwide Encyclopedia of Philosophy], Moscow, pp. 952–953.
- Vallas S. (2001) *The Transformation of Work*, JAI Press.
- Weber M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalisma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Moscow: Progress.